

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С59

Сокол, Лена.

С59 Заставь меня влюбиться / Лена Сокол. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — (Бестселлер сентиментальной прозы).

ISBN 978-5-17-133210-5

Маша — местный изгой. Дима — самоуверенный красавчик, который не привык к отказам. Судьба вдруг сталкивает их, поставив в неловкую ситуацию. Теперь девушке очень хочется сбежать, а дерзкий парень неожиданно предлагает поспорить, что влюбит ее в себя, да еще и заставит первой просить о поцелуе. Что ж, вызов принят! Ведь такого уж точно не будет никогда!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-133210-5

© Лена Сокол, текст
© ООО «Издательство АСТ»
В оформлении использованы материалы,
предоставленные фотобанком Shutterstock, Inc.

**Это история парня и девушки.
История любви? Я не уверена.
Ненависти? Тоже вряд ли.
Хотя...**

1

Все началось обычным весенним днем.

Я проспала. Открыла глаза, еще даже не догадываясь ни о чем, лениво потянулась и поежилась от холода. Апрельский ветерок врывается в форточку, заставляя подергиваться тонкие розовые занавески и принося с улицы прохладу, запахи талого снега, прелой травы и свежей выпечки.

Выпечки? Какого черта?! Как выпечки?

Булочная на первом этаже нашего дома открывалась в восемь утра. Часам к девяти запах булочек с корицей, пышной сдобы и ржаного каравая с тмином обычно добирался и к моим окнам. Я подскочила на постели, тщетно пытаюсь разлепить глаза. Дотянулась до мобильного. Тот лежал на краю тумбочки и не подавал никаких признаков жизни. Зарядного устройства, которое подцепляла вчера вечером, нигде не было видно. Так и оказалось — телефон сдох.

Глаза упрямо тарасились в темный экран, пытаюсь разглядеть цифры, которых там и не должно было быть. Аппарат же был выключен. Сел. Отрубился еще вчера. И, кажется, я знала, кого нужно было за это благодарить. Братца-кролика, точнее просто братца, мирно храпящего за стенкой.

Соскочив с кровати, запрыгнула в старые рваные джинсы, неуклюже натянула любимый свитшот с изображением чуваков из Chromeo и пулей помчалась в мамину комнату.



Большие часы на комодке показывали половину десятого. Половину, мать его, десятого...

— Нет! Нет! Нет! Нет! — вырвалось с досады.

Шучу. Просто одно «нет» и пара крепких ругательств. Я ж вам не барышня из дамского романа, матюгаться умею. Только знает об этом один лишь брат — все крепкие словечки достаются именно ему. И заслуженно: он балбес, каких еще поискать.

Как я его терплю? А так, деваться-то пока некуда. Живем на одной территории, да и люблю я его, чего уж скрывать. Мы, как-никак близнецы. Ну, то есть двойняшки.

И то, что он вчера забрал мое зарядное без спроса, лишив и средства связи, и будильника, не прощу. Зря что ли корпела над учебниками до двух ночи? Зря готовилась к такому важному зачету? А он, тупица, все испортил очередным глупым разгильдяйским поступком.

— Ну, и гад ты, Пашка! — громко выкрикнула, пнув ногой дверь в его комнату.

— Отвали, сурикат. — Буркнул брательник, поворачиваясь с боку на бок. И накрылся с башкой одеялом.

— Сейчас ты у меня за все ответишь. — Хлопнула дверь и побежала собираться.

Ненавижу свое прозвище. Обидное и жалкое. Получила его в университете в прошлом году. Почему сурикат? Не, это не значило, что я, сложа лапки, вечно осматривалась в поисках опасности, словно маленький зверек.

Все из-за фамилии — Сурикова. Нормальная фамилия, скажете вы, и только извращенцу могло прийти в голову придумать такое производное от него, как сурикат. Но, к сожалению, у меня в группе учатся одни недоумки, которым нечем больше заняться, как выдумывать прозвища и дразнить изгоев. Хотя нет, я не изгой, я — невидимка.

И до сих пор не стала объектом их издевательств только потому, что веду себя тихо и неприметно. Ботаники, неформалы — всем доставалось от этой кучки задавак, считающих себя хозяевами жизни. Меня до сегодняшнего дня не трога-

ли. Почти. У нас, вроде как, негласный договор: я делаю вид, что их не существует, они не замечают меня. Все довольны.

Когда все это началось? Пожалуй, еще на первом курсе. И не сказать, чтобы это меня сильно беспокоило. В школе я ладила со всем классом, врагов у меня не было, в друзьях числилось несколько довольно приятных девочек. Ну, и брат. Мы с ним всегда были «не разлей вода», с таким другом никогда не приходилось скучать. Жаль, что он назло маме после школы поступил в экономический колледж, ведь в моем университете такой парень точно бы не пропал. И мне бы не дал превратиться в серую тень, которой я стала.

Помню свой первый день в универе, как сейчас. Совершенно неожиданным было оказаться вдруг на первой паре, окруженной двумя десятками пар незнакомых глаз, встревоженных так же, как и я, от того, что оказались чужими в незнакомом месте. Все было новым, непонятным и ужасно интересным.

Время шло, мы привыкали, втягивались в учебу. Мои новые одноклассники приглядывались друг к другу постепенно, смеясь и находя точки соприкосновения. Вскоре они уже стекались в группки и междусобойчики, союзы и коллективчики. И как-то вот этот момент, видимо, прошел мимо меня, потому что в один прекрасный день я вдруг проснулась и обнаружила, что не принадлежу ни к одной касте из вновь образованных.

Несколько ботаников, сбившихся в кучку, еще как-то более-менее общались со мной, могли перекинуться парой слов, но и то только по делу. Все же, я числилась не самой тупой и даже могла подсказать им что-нибудь дельное. Неформалы огрызались — оказавшись в меньшинстве, они выбрали в качестве защиты наиболее эффективный способ. Не трогай нас — не тронем тебя. Середнячки же тянулись к «звездам». Так я называла компанию Костыля.

Детки вполне обеспеченных родителей, которые посещали пары только потому, что это было их способом где-то тусоваться вместе каждый день. Не богатенькие моральные уроды, а просто уроды (по версии моего личного хит-парада

отмороженных), которые будучи отпрысками уважаемых в городе людей, всегда были красиво одеты и вкусно накормлены. Отсюда, наверное, и манеры: грубость, хамство, зазнайство и раздутое до неприличия самомнение.

Почему Костыль? Все просто. Этот debil год назад умудрился выпрыгнуть из окна аудитории на спор с Лысым. И сломал ногу (говорю же, debil). Две недели на растяжке, долгие месяцы реабилитации, и приросшие, казалось, почти намертво к подмышкам костыли. Все просто. Кость со временем заросла, а погоняло осталось.

А почему Лысый? Потому что это тип пришел на первый курс с густой шапкой кучерявых волос, из-под которых было не видать даже его черных глаз. Смуглый, рослый, с ровным прямым носом — вылитый жгучий итальянец, будь он не ладен. Сразил всех наповал и своей внешностью и прической. Потому и получил почти сразу прозвище Лысый.

Самые красивые девочки, хорошо одетые мальчики, все они как-то сразу потянулись друг к другу невидимым магнитом. А я вот это разделение на могучие кучки проспала. Проморгала, так и оставшись одна. Ну, а позже просто привыкла.

Приходила, садилась тихонько на последний ряд и ныряла с головой в конспекты. Это стало моим способом медитации — записывать все, что говорили преподаватели. Слово в слово, как стенографистка. Так можно было не отвлекаться на косые взгляды и недобрые перешептывания.

Сидишь себе, пишешь. Никого не замечаешь вокруг. Переменка? Можно отдохнуть и порисовать. Громко, конечно, сказано «порисовать». Так, почиркать на полях или в блокноте. Пару забавных рожиц одноклассников, перевод песни для брата (чтобы он знал, о чем напевает под веселое треньканье на гитаре) и, разумеется, сердечки.

А как вы думали? Я же девочка. И все девочки в моем возрасте мечтают о вполне себе взрослой любви. С прогулками вечером по темной аллее, обязательно за ручку и... как там в книжках? Ах, да, с поцелуями.

Схватив в охапку сонного Крыся, посмевшего довольно мяукнуть, я сунула его Пашке под одеяло. Пусть знает наших. Брат довольно быстро все понял: голые пятки нервно задергались, колени прижались к животу.

— Машка! — Охрипший со сна голос казался крайне раздраженным, что не могло меня не радовать. — Вот ты стерва!

— Я такая, да, — довольно хрюкнула я, натягивая капроновые носочки.

— Крысь! — Это уже негодяю-коту, царапающему не в меру волосатые икры брательника. — Брысь! Иди уже отсюда, иди. Ы-ы-ы! Ма-а-аш, ну убери его?!

— И тебе доброго дня, Суриков!

Хлопнула дверь, чтобы кот не мог выбраться из комнаты и протяжно мяукал. Так, как только он один умеет: громко, заунывно, максимально раздражающе для спящего молодого мужчины. Усмехнулась и побежала к двери. Один мимолетный взгляд в зеркало. Оп! Стоять. Это что, я вот так собралась выйти в люди? Е-мое...

Поработала пятерней, пытаюсь унять непокорный каштановый бунт на голове, уныло вздохнула. Ничего не поделаешь, а мне с этим еще жить. Пара завершающих и вполне бесполезных штрихов расческой, цветная (да, детская, ну и что?) заколка. И глупая улыбка.

Проскользнула в любимые кеды, подогнула джинсики немного (так, для красоты). Сняла с вешалки любимое кашемировое пальто нежно-кремового оттенка, на которое старательно копила несколько месяцев. Надела, закинула сумку на плечо. Все равно чего-то не хватает. Напялила очки с круглыми стеклами персикового цвета.

Вот, теперь я в тренде. Никогда в таком прикиде не появлялась в универе. Так меня, пожалуй, и заметят. Хотя оно мне надо? Да по фигу вообще. Просто по ба-ра-ба-ну.

Можно идти.

Закрыла дверь. Громко (мвуааахахахаха!) и достаточно звонко, чтобы окончательно разбудить старшего (всего-то на пятнадцать минуточек) братца-лоботряса. И торопливо

поскакала вниз через две ступеньки, усиленно пытаюсь сообразить, почему волосы одного и того же цвета и качества отлично смотрелись на голове молодого мужчины по фамилии Суриков и совершенно нелепо торчали в разные стороны у меня. Шутница-природа, будь она неладна, и тут подвела!

Сколько там у меня? Полчаса? Поглядела на часы. Нет, уже двадцать минут осталось. Проклятие! В другой раз я бы обязательно не спеша прошла пешком, тщательно вымешивая кедами весеннюю грязь. Но не сейчас. Пожалуй, стоит воспользоваться общественным транспортом. Вон, кстати, маршрутный автобус вырулил из-за угла. О-очень кстати! Стой, стой!

Водитель притормозил и открыл двери, словно приглашая меня заскочить на ходу.

— В своем уме? — Всплеснула руками, еле сдерживаясь, чтобы не показать ему в стекло неприличный жест. — Давай по-человечьи останавливайся!

Тц-тц-тц. Старая развалюха со скрежетом проехала еще пару метров и замерла на остановке.

— Другое дело, — проворчала я, запрыгивая внутрь.

Порылась в карманах в поисках мелочи, выгребла, отсчитала сколько нужно и, не заметив в салоне признаков присутствия кондуктора, сложила монетки горочкой на панели возле водительского сидения. Вот так. Теперь я должна успеть к началу зачета по грамматике перевода. А он был очень важен для меня, ведь его преподавал сам Станислав Вячеславович. Мой Стас...

Нет-нет, конечно, педагог не догадывался, что он «мой». И что его как-то там зовут, пусть даже очень ласково, на вроде Стасик. Но для меня он был настоящим предметом обожания, с первого дня, стоило мне только его увидеть. Спутанные волосы, мягкие и кудрявые, совсем, как у моего брата. Светло-русые, намеревающиеся захватить весь мир и густыми прядями спадающие на лицо. Глаза, грустные и серьезные, большие и темно-зеленые. Такие темные, что кажутся почти карими. Но стоит посмотреть на них на солнце,

и они загораются тысячами зеленых отблесков, сливающихся из маленьких искр в крупные яркие изумруды.

Высокий, всегда скромно, но со вкусом одетый, и что немаловажно, привлекательный мужчина лет сорока с хвостиком. Скажете, староват для меня? Нет, совершенно. Гораздо больше удручает тот факт, что ему не положено заводить близких отношений со студентами. Ну, так мне и осталось учиться всего-ничего — два года с небольшим. Главное, обратить на себя внимание, заинтересовать, а в этом направлении я уже немного продвинулась.

Еще на втором курсе, чтобы не отставать от других студентов, я начала читать неадаптированную литературу. Прочла в оригинале «Европейцев» Генри Джеймса, чуть тогда мозг не вывихнула, но осилила. Очевидность прогресса моих языковых навыков заставила меня продолжить эксперимент, подбирая для чтения все новые и новые произведения в нашей библиотеке. Слушала много музыки и аудио-спектаклей, привыкая к особенностям произношения и отличиям в британском и американском английском. А потом вдруг решила сменить тактику.

А что, подумала я, если попробовать поразить Стаса не своими успехами, а наоборот — попросить помощи? Хороший ход. И тогда по моей просьбе мама договорилась о двух часах в неделю дополнительных занятий. Индивидуальных. Для меня одной. У нас дома.

Стасик приходил по средам и пятницам вечером. Вот уже два месяца. Мы всякий раз садились за стол в гостиной. На расстоянии полуметра друг от друга. Опасно близко. Так близко, что сердце гулко отдавалось в ушах от каждого случайного соприкосновения рукавами. Я закусывала до боли губу, боясь, что он услышит. Но он продолжал монотонно объяснять материал, который был для меня проще пареной репы. Ловя глазами каждое движение его губ, я слушала и наслаждалась этой близостью.

Иногда, когда запах его парфюма ударял в голову, мне хотелось поцеловать Стаса и посмотреть на реакцию.

Вот наши взгляды встречаются. Искра, словно от спички. Еще несколько секунд на раздумье и долгожданное встречное движение. Ммм... С каждым разом это видение становилось все реальнее, и казалось, вот-вот желанное произойдет наяву, а не в моих глупых мечтах. Но, как всегда, заходила мама со своим традиционным «я только поставлю вам чаю и уйду» и все обламывала, отдаляя меня от моей цели и мужчины-мечты все дальше и дальше.

Разумеется, оплачивала я эти занятия из своего кармана. Маме и так было тяжело. На ее шее висели мы с братом, квартплата, кредит подонка-отца, бросившего нас еще в детстве и сам подонок-отец собственной персоной. Да-да, вы не ослышались. Узнав, что этот тип болен (хрен знает чем, мне все равно, но лучше бы он скорее загнулся от этой дряни) мама решила ему помогать и теперь навещает несколько раз в неделю уже в течение пары лет.

Из-за этого у нее с Пашкой постоянные конфликты. Брат громыхает своими вечеринками, стоит ей только выйти за порог, шокирует татуировками, пирсингом, сигаретами и странного вида деважами, которых он пачками тащит к нам в квартиру. Поэтому я держусь ровно, стараюсь не расстраивать родительницу еще больше. Молчу про свою учебу, подрабатываю переводами, батрачу в свободное время в местной забегаловке и стараюсь не злить. Одного стихийного бедствия на семью, пожалуй, будет достаточно.

Я удобнее устроилась на сидении напротив выхода. Может, стоило бы полистать конспекты, пока эта тарантайка ползет в сторону универа? Сняла очки, запустила руку в сумку, где приятно шелестели исписанные мною тетрадки. Зеленые, желтые, красные. Мои богатства. Мои верные спутники.

Автобус подскочил на кочке, вытряхивая из меня последние остатки сна (да и мозгов, пожалуй), и сбавил ход лишь перед остановкой. Опустив конспекты, я покосилась на водителя. Если бы не такой чудесный весенний день, точно бы послала ему мысленно пару крепких ругательств. Лихач хренов!

Повернулась к окну. Солнышко пробивалось сквозь мутные стекла автобуса невероятно прозрачными, яркими лучами, растекающимися по салону, словно медовая акварель. Их блики вспыхивали, отражаясь в хромированных ручках и даже в моих часах, и рассыпались на десятки солнечных зайчиков на сидении и под ногами.

Обожаю весну. Природа просыпается, согревает своим свежим дыханием, радуется первыми цветами, звонкими ручейками. И даже музыка в наушниках звучит веселее, заставляя шагать вприпрыжку.

Тц-тц-тц. Опять! Автобус со страшным скрипом притормозил возле остановки. Я убрала за ухо две светлых прядки, упавших на глаза.

Похоже, водитель на этот раз решил не испытывать терпение пассажиров — остановился, как положено, и открыл двери. Желающих прокатиться в такую прекрасную погоду нашлось немало: целая орава первоклашек с учительницей с шумом влетели и рассосались по сидениям в хвосте салона, пара бабушек, ворчащих и спорящих друг с другом и со всем белым светом, еле вползли и заняли места рядом с водителем. И как пенсионеры вообще выносят такую жару в своих пальто, зашторенных буквально по подбородок? Да еще и в глухой вязаной шапке в комплекте с платком, плотно обернутым вокруг шеи? Загадка.

Я втянула носом приятный свежий аромат весны, вдруг ворвавшийся в салон. Все-таки лучше этого времени года и быть не может! И плевать на лужи, на грязь, которую придется месить собственной обувью вплоть до мая, плевать на серые кучи снега и какахи, вдруг оттаявшие после зимы на газонах. Это же весна! И ничего не может быть прекраснее нее!

Я посмотрела на часы и нетерпеливо постучала пальцами по коленке. Пора бы и отправляться, чего он там ждет? У меня важный зачет, нельзя опаздывать. Бросила взгляд в сторону водителя. Типа: эй, чувак, ты уснул там? Он, казалось, перехватил мой взгляд, нахмурился и лениво нажал кнопку, которая закрывает двери.

Вот так уже лучше. А теперь поторопимся, иначе... Дверь, почти закрытая до конца, заскрежетала, перехваченная чьей-то рукой. Пальцы длинные, покрытые цветными татуировками от ногтей до запястий, увешанные странными массивными кольцами-печатками, вцепились в нее и с силой дернули в обратную сторону. Ветхая конструкция не стала сопротивляться — открылась податливо и мягко.

Через секунду вслед за костлявой рукой появилось такое же костлявое тело. Парень. Высокий, сутулый, в вытянутой, длинной серой футболке, непроницаемых черных очках и потертой кожанке запрыгнул на ступеньку. Я замерла. Голова его качнулась из стороны в сторону, пугающе и опасно. Он словно хищник выискивал глазами жертву. Хотя именно глаз и невозможно было разглядеть сквозь черные стекла.

Перестав мотать головой, взялся за поручень, обвив тот своими безобразными тонкими пальцами, и как-то странно покачнулся, хотя автобус еще не начинал движение. Наклонился всем телом на металлический релинг справа и снова принялся сканировать салон взглядом.

Я выпрямилась, стараясь не дышать. Еще не хватало, чтобы этот наркоман занял место напротив меня. Бледный, помятый, явно страдающий от похмелья или чего там у них, у нариков, бывает, он навалился на поручень, ожидая, пока автобус тронется и наберет скорость. Навис надо мной, как многоэтажка, угрожающе покачиваясь, и уставился... Да блин!

Мне опять не повезло. Это чучело заприметило-таки свободное место!

Парень отпустил поручень и грохнулся на сидение напротив, как тяжеленный мешок с картошкой. Ну, или с костями. Потому что он явно был изможден, как все любители курнуть, закинуться или уколотся. Сел, вытянул свои длинные худые ноги в узких черных джинсах, расслабил плечи и завис, глядя куда-то сквозь меня.

По спине пробежал холодок. Взгляд этого чудилы явно был направлен в мою сторону, но вполне могло стать, что он просто спит, а не рассматривает брошку на моем пальто.

Я прижала к себе сумку и робко опустила глаза. В пол. А как? Не на него же глядеть? Если он такой наглый и бесцеремонный пусть пялится на меня. Лично я так не могу.

Посмотрела налево. Старушки уже перешептывались друг с другом, обсуждая странного пассажира, и брезгливо плевались в его сторону. Глянула вправо. Малыши-карандаши застыли с выражением ужаса на лице. Эксцентричный молодой человек с татуировками захватил все их внимание, обеспечив хотя бы на какое-то время, но идеальную тишину в салоне.

Я отвернулась, уставившись вновь на свои кеды, и выдохнула. Ну, и что? Да, тип отвратительный. Но не тронет же он никого прямо на глазах всего салона? Пусть себе сидит, а я пока посмотрю на него. И очень осторожно скользнула взглядом снизу-вверх.

Кроссовки. Спортивные найки, хай-топы с золотистым логотипом и красными шнурками. Донельзя белые и омерзительно дорогие. Новенькие. Или просто чистые. Ну, не летает же этот экземпляр на метле? Ходит, как и все, по улицам. Значит, только вышел из дома, целомудренно-незапачканный, не отмеченный серо-коричневой грязью этой весны.

Руки. Ухоженные, мягкие, с тонкими пальцами. Металлические цепочки и браслеты на запястье. Много татуировок в цвете. Рисунки тянутся диковинными завитушками и загадочными буквами вверх, перемежаясь со штрихами, и кажутся чем-то похожи на черепушку, ныряющую в рукав куртки. Это на одной руке. Вторая чистая, как белый лист, покоится на его ноге.

Поза дерзкая, расслабленная. Положение хозяина жизни. Сидит, не дергается, не собирается даже передавать за проезд. И все будут молчать, никто не скажет ни слова. Даже водитель. Я уверена, потому что и сама бы тоже не заикнулась. Кто знает, что ожидать от такого кадра, расписанного под хохлому?

Подняла глаза выше. Робко, медленно, стараясь делать вид, что думаю о чем-то своем. Куртка, черная, кожаная, с английским воротником, усеянная металлическими клепками-

застежками. Даже со своего места можно было представить, как она пахнет кожей — дорогой, мягкой. И в контраст ей длинная футболка, превосходящая по длине. Серая, линялая, вытянутая. Такой будто несколько раз помыли полы, потом выстирали, высушили и надели снова. Короче, по ходу, тоже адски дорогая вещь.

Чувак сидел, развалившись на сидении, и мерно покачивался всем телом в такт автобусу. Наверняка, еще и ловил кайф от того, как его открыто разглядывает добрая половина салона.

А я тем временем продолжила свое исследование. Подняла глаза выше. В вороте футболки незнакомца красовался очередной рисунок. Татуировка поднималась вверх, раскрашивая шею оттенками синего, красного и желтого, и заканчивалась где-то за левым ухом. Крылья, перья, когти какой-то птицы. А на плече вроде клыки? Не видно полностью, можно только дорисовывать в уме.

Не тело, а холст, блин. Надо же так себя изуродовать. И как люди это делают? Да еще и добровольно? Мне непонятно.

И вдруг я чуть не охнула, заметив, что странный тип пялится на меня прямо поверх слегка спущенных на переносицу очков. Брови нахмурены, губа закушена ровными белыми зубами. Вот ведь наглец!

Быстро отвернулась и уставилась в окно. Не хватало еще, чтобы пристал ко мне со своими предьявами. Еще две остановки, и я буду на месте. Автобус свернул на нужную улицу и ускорил движение. Поглядывая на часы, я чувствовала себя неуютно под этим взглядом, пронзающим насквозь.

Рука наркомана, та, что была от и до изрисована цветными чернилами, шевельнулась, невольно приковывая мое внимание, и медленно потянулась за чем-то во внутренний карман кожаной куртки. Я облизнула пересохшие губы, не зная, чего ожидать, и напряглась всем телом. Секунда, и из кармана показалась алюминиевая банка с какой-то дрянью.

Пиво? Энергетик? Газировка? Не было видно — он обхватил ее своей измалеванной клешней и поставил на колен-

ку. Взятая свободной рукой за язычок на крышке. Не собирается же он открыть ее прямо здесь?! Ужасно бестактно. Брезгливо отвернулась, чтобы убедиться, что и остальные пассажиры в недоумении.

Большинство пыталось делать вид, что заняты чем-то важным, вдруг появившемся на экране смартфона или за окном. И только школьники сидели, с интересом разглядывая чудака и негромко перешептываясь.

Кхш-кшшш....

О, ужас. Я сразу поняла, что это за звук. Он что не слышал о запрете распития спиртных напитков в общественных местах?! Вскрыв банку, приложил к губам и принялся жадно глотать. Дикарь! Он вообще знает хоть что-нибудь о манерах? Покосилась на него из-под полуприкрытых ресниц, вжала голову в плечи, наблюдая, как содержимое банки, вторя движениям кадыка, исчезает в его желудке.

Выпил все до последней капли. Хмуρο оглядывая тару из-под напитка, скривился, разнося свое неудовольствие мелкими морщинками по бледному лицу.

Ох, если он сейчас еще рыгнет, меня вырвет. Точно вырвет. Просто вывернет наизнанку прямо здесь! Вот что за мерзкий тип!

Бросила взгляд за окно. Автобус промчался мимо пустой остановки и двинулся дальше. Отлично, значит, быстрее доеду и успею к началу зачета. К своему Стасу...

Кхш-кхшшшшш!

Он в своем уме вообще, нет?! Запредельно громко и невыразимо бессовестно этот тип смял алюминиевую банку в руках, превратив ее в ровный алюминиевый блин.

Блин!

Моя челюсть начала отваливаться, когда он бросил смятую посудину рядом с собой на сидение. Прикрыв разъяренный от возмущения рот, я сглотнула и оглянулась по сторонам. Никто, буквально никто, не хотел конфликта — все дружно смотрели куда угодно, только не на источник громкого звука.

Повернулась к наглецу. Не дрогнув ни одной мышцей на лице, он невозмутимо достал из кармана жевательную резинку, распечатал и отправил в рот. Фантик, само собой разумеется, полетел туда же, куда и банка. На сидение рядом. Нарушитель порядка положил локти на спинку сидения за головой и растянулся ленивым котом, медленно двигая челюстями.

О, моя остановка! Наконец-то.

Схватила сумку, нетерпеливо накинула на плечо и рванула к выходу. Встала всего в метре от татуированного наглеца, боясь даже взяться за поручень возле его плеча. Осторожно ухватилась с другой стороны, переступила с ноги на ногу, считая секунды до полной остановки автобуса. Сейчас этот парень был настолько близко от меня, что при желании можно было бы разглядеть каждую пылинку на его куртке, каждую капелючку пота, стекающую вниз по шее в ворот футболки, но я не смела даже краем глаза взглянуть на это «чудо природы».

Тц-тц-тц. Двери открылись, и я спешно ломанулась к выходу. На волю! Скорее. Сколько у меня там в запасе? Три минуты! Да что ж за день такой! Солнце безжалостно поливало своим горячим светом, заставляя зажмуриваться с непривычки. Ускоряясь вдоль по тропинке, ведущей к главному входу, мне вдруг почему-то захотелось обернуться, чтобы последний раз глянуть на всклокоченные, стоящие дыбом черные волосы, вниз от которых, прямо за ухом, разливаясь радугой, тянулась яркая татуировка, ныряющая под воротник крыльями огромной птицы.

Вот зачем мне это? Сурикова, ты что, чудаков в своей жизни не видала? Дома есть один, такой же костлявый, всклокоченный и невоспитанный. Но голова уже поворачивалась, отыскивая взглядом сидение возле самого выхода. Автобус отъезжал от остановки, набирая скорость. Мутные стекла мелькали одно за другим: первое, второе, третье... Пусто! А дальше взбудораженные лица школьников, провожающие взглядом... меня.

Меня?! Я обернулась и испуганно вздрогнула, заметив высокую черную фигуру, движущуюся следом. Руки в карма-